

силы мои достаточны были, представил бы я, как постепенно великий муж водворял в понятие свое понятия чуждыя» (1, 382). Одновременно писатель применяет здесь прием, названный в «Риторике» «прохождением»: «Прохождение есть когда притворяемся, якобы мы говорить о чем не хотели, однако тем самым оное живо представляем» (Л., VII, 276).

В «Слове о Ломоносове» с наибольшей полнотой отразилась зависимость Радищева от традиций ораторского искусства, утвердившихся в русской литературе со времен появления «Риторики». Но особенность радищевского творчества состояла в том, что эти традиции оказывались действительны не только в жанре «слова».

И в «Письме к другу, жительствующему в Tobольске», и в «Беседе о том, что есть сын отечества», и в «Житии Федора Васильевича Ушакова», и, наконец, во всех главах «Путешествия из Петербурга в Москву» присутствует тот же ораторский элемент. Проявляется он в основном двойным образом. Прежде всего можно выделить в тексте этих произведений отрывки, представляющие собой вставные речи, произносимые отдельными персонажами. Так, например, друзья Ушакова, отговаривающие его от поездки в Лейпцигский университет, выдвигают целую группу аргументов, расположенных очень стройно и подкрепленных многочисленными риторическими фигурами, соответствия которым можно найти в ломоносовской «Риторике». Характерно, что именно этот отрывок, передающий речь друзей Ушакова, особенно славянизирован по сравнению с остальным текстом «Жития» («поженут тебя да оставишь ристание им свободно» и др.).

Помимо такого проникновения ораторской прозы в текст радищевских сочинений, был и другой путь: независимо от избранного жанра сам автор, подобно Мирабо, превращался в страстного трибуна, говорящего перед широкой аудиторией. В этом отношении таким примером может служить «Письмо к другу, жительствующему в Tobольске». Назвав свое сочинение письмом, Радищев хорошо воспользовался той свободой, которую мог представить ему этот жанр, приобретший большую популярность во второй половине XVIII в. (романы в письмах, стихотворные послания и т. д.). Здесь есть драгоценный для Радищева личный, даже автобиографический мотив: воспоминание о днях юности, проведенных вместе с другом, к которому обращено письмо.³⁷ За лирическим вступлением следует собственно повествовательная часть: описание открытия памятника Петру I. В это описание вторгается страстный авторский монолог, насыщенный ораторскими приемами. Писатель начинает с обращения, «сея вели-

³⁷ Как установил А. И. Старцев, «Письмо» адресовано товарищу Радищева по Лейпцигскому университету С. Н. Янову; см.: *Старцев А. И. Университетские годы Радищева*, с. 170—189.